

Хочу обозначить серьезность момента.
 Вопросом навязчивым мучился я:
 Коль первая леди — жена президента,
 Какая же леди супруга моя?

Неужто она не вторая, не третья,
 И даже не пятая леди страны?
 И строго решил на жену посмотреть я
 И с той стороны, и с другой стороны.

Чем женщина ранит мужчину навывлет?
 Все вроде при ней: хороша и стройна.
 Шьёт, вяжет, стирает, утюжит и пилит
 (Хоть пилит, пожалуй, напрасно она).

Печёт пироги и готовит бульоны,
 С хозяйственной сумкой спешит
 на базар...

А может, она двадцать два миллиона
 Сто тысяч девятая леди? Кошмар!

Всё это однажды заметят соседи
 И вряд ли войдут в положение моё.
 «Вот, скажут, растяпа! Нашел себе леди!
 Вы только взгляните на номер её!»

Друзья потеряют ко мне уважение,
 Они усмехнутся, они промолчат
 И вспомнят, что было в моём окружение
 Немало с волнующей цифрой девчат.

Но всё обернулось значительно хуже:
 Жена мне сказала: «Заметить позволь,
 Что номер у леди зависит от мужа,
 А муж мне достался под номером ноль!»

Как стать поэтом

*Родниковой водой подольховой,
 Дорассветной росой попуховой
 Я наполню вместительный чан.
 Я добавлю берёзы листочек
 И поэзии несколько строчек
 И вздохну, и туда сигану.*

Николай Дмитриев

В чан огромный налью кипяточек,
 Сверху брошу лавровый листочек,
 Пару перьев и ручку — на дно,
 Рифмы ходкие высыплю разом
 И добавлю избитую фразу,
 Да солёное слово одно.
 А потом размешаю всё это
 И, созвав именитых поэтов,
 Сигану я туда неглиже.
 Гости сделают умные лица,
 А как станет вода пузыриться,
 Кто-то выронит: «Может, уже?»
 Тут же все, озираясь на двери,
 Загалдят: «Не пора ли проверить?!»
 И тогда величаво на зов
 Выйдет критик — судья и владыка
 И меня авторучкой потыкав,
 Закричит: «Вынимайте! Готов!»

Распорядок

Пусть будет такой распорядок на завтра,
 Всё взвесил, прикинул. Всё, вроде, учёл:
 Разбудит меня на заре Клеопатра,
 И завтрак поставит на кухонный стол.

В одиннадцать сменит её Беатриче,
Одна из бессмертных и праведных дев,
Я с ней обрету вдохновенья величье,
И буду творить за шедевром шедевр.

А в семь, когда солнце исчезнет за гранью,
И Шахерезада присядет к окну,
И сказки начнёт мне — как Пушкину няня,
Её буду слушать, пока не усну.

А в полночь — жена после смены. И дабы,
Меня не будить, прочитает тетрадь,
И скрипнет зубами: весь день были бабы,
Могла хоть одна и квартиру убрать!

* * *

Уход отдельного поэта
Не создает в пространстве брешь,
В такой большой стране, как эта,
Таких как мы — хоть жопой ешь.

Не лейте горьких слёз, мамаша,
Жена, не бейся об порог,
Тот, кто придёт на место наше,
Создаст вакансию в свой срок.

И снова, натурально, слёзы,
Транспортировки скорбный труд,
Друзей искусственные позы,
Шопен, опять же, тут как тут.

Но не прервётся эстафета
И к новому придёт витку,
В такой большой стране, как эта
(см. четвёртую строку).

И новым жёнам и мамашам
Настанет свой черед рыдать...
А мы не сеем и не пашем,
За это можно всё отдать.

* * *

Я тоже дожил до склероза,
Я так подумал потому,
Что позабыл, как пахнут розы,
В Пицунде, в Гаграх и в Крыму.

Я ныне с памятью в раздоре,
Хоть помириться с ней готов:
Я позабыл, как пахнет море,
У прибалтийских берегов.

Передо мной в державной силе
Святая невяская волна...
Но всех предателей России
Я точно помню имена.

* * *

Забросив гнев, как мусор в урну,
И выводя на сердце пятна —
Я часто мыслю нецензурно...
Но выражаюсь — деликатно!

* * *

Налог плачу по месту жительства,
Потом от горя водку пью.
Как трудно, накормив правительство,
Ещё кормить свою семью.

* * *

Я толерантен к нациям любим,
Быть чёрным, красным,
жёлтым не позор.
Руки не подаю лишь голубым,
И жовто-голубым с недавних пор.

* * *

Я видимо воспитан очень дурно
И не умею правильно гордиться.
По мне, окуроч, выброшенный в урну,
Патриотичней ленточки в петлице.

* * *

Страну угрюмо
Взвалив на плечи,
Собралась Дума,
А думать нечем.

Я и Галилей

Я этот случай в памяти лелею,
Люблю о нем рассказывать жене...
Зашёл я как-то в гости к Галилею,
А он вдруг начал жаловаться мне:

«Нам, астрономам, платят маловато —
Не то, что педагогам и врачам.
И за ночные смены нет доплаты,
Хоть мы на звёзды смотрим по ночам».

«Откуда же, — спросил я с удивленьем, —
Такое угощенье на столе:
Сыр, колбаса, икра, балык, соленья,
Коньяк, вино, конфеты, крем-брюлле?..»

Ответил он: «Решает все вопросы
Моя неутомимая жена.
Выкручиваться ей совсем непросто,
Нет сил, а всё же вертится она».

Тут слава вмиг отбросила капризы,
Пришла к нему, сверкая и трубя:
Одной лишь фразой выходец из Пизы
Прославил город свой и сам себя!

Его хвалю я, красок не жалея...
На все, как говорится, времена
Остались от синьора Галилея
Слова: «А всё же вертится она!»